Вышка.-Бишкек.-1991.-7августа

ПЕРЕД СВЕТОМ

К 70-летию со дня смерти А. И. БЛОКА

Пожалуй, ни один из поэтов прошлого не был так близок нашим смутным временам, как Блок. Един во многих лицах: мистик, романтик, певец сновидений и заоблачной благодати и трезвый жестокий реалист, скрупулезный живописец земного, он, живший на рубеже двух миров—умирающего старого и нарождающегося нового — благодаря своей многоликости сумел проникнуть в глубь сущего, подняться на вселенскую высоту и оттуда, с высоты, объять необъятное. И пока современники спорили, обсуждая его поэму «Двенадцать»: благословил или проклял первый в то время русский поэт революцию! — он просто поставил во главе исторического шествия в своих стихах Иисуса Христа с окровавленным знаменем, и этим было все сказано...

ГЕНИАЛЬНЫМИ поэтами не становятся — ими рождаются. Вобрав в себя кровь чержесских беков и именитых русских дворян Бекетовых — с материнской стороны, немецких врачей и юристов Блоков — со стороны отцовской, он тем самым вобрал в себя все генетическое богатство своего рода, в котором было немало людей, известных литературными талантами. «Из семьи Блоков я выродился. Нежен. Романтичен...» — так записал поэт, когда ему шел двадцать третий год.

Оно, это дарованное ему судьбой наследие проявилось довольно рано. Как объяснить пробуждение поэта? Сия тайна велика есть. Еще в последних классах гимназии юный Александр начал издавать рукописный журнал «Вестник», где помещал стихотворные «забавы» — свои первые литературные опыты. А потом, словно толчок извне, — первое чувство, встрепенувшее душу и вызвавшее ту лирическую дерзость, что позволяет сотворять свою гармонию. Поездка с матерью «на воды» в Германию, в Бад-Наугейм. Там встреча с красивой и обаятельной женщиной Ксенией Михайловной Садовской, которая старше Саши на двадцать с лишним лет. Случай, конечно, необычный, но ведь и Лора де Берни, первая любовь Бальзака, была старше его на двадцать три года. Все стихи Блока того времени, означенные буквами К. М. С., посвящаются той, которую он полюбил восторженной любовью гимназиста-выпускника. И хотя недолго длилось это чувство — не больше месяца, но оно оставило неизгладимый след в душе поэта. Об этом стихи, написанные гораздо позже, в зрелую пору его жизни:

Жизнь давно сожжена
и рассказана,
Только первая
снится любовь,
Как бесценный ларец
перевязана
Накрест лентою алой,
как кровь...

А потом на смену «влюбленности», как впоследствии определил это чувство сам поэт, в его жизнь вошла отныне и навсегда «розовая девушка».

Трудно через мглу стольких лет разглядеть тогдашний ее облик, вызвавший небывалый в русской поэзии поток песнопений. Как заверил сам Блок, она сразу произвела на него «сильное впечатление». До этого были детские встречи в доме Менделеевых, чей глава, Дмитрий Иванович, станет отцом отечественной химии. Но вот еще одна встреча после окончания Александром гимназии. Люба, старшая дочь, выбежала навстречу в розовой блузке с туго накрахмаленным стоячим воротничком и маленьким черным галстуком, неприступно строгая. Он найдет в ней нечто от мадонны Сассо-Феррато, разыщет репродукцию, и она потом всю жизнь будет висеть у него над постелью.

А затем был «Гамлет», поставленный в менделеевском доме силами молодежи. Офелию играла Люба, Гамлета — Александр. Никто и не заметил, как между Гамлетом и Офелией пробежала искра — совсем не так, как у Шекспира. Так завязался тугой узел на всю жизнь, и ни распутать, ни разрубить его не было суждено.

Тайною тайн была для него та Таинственная, которой он посвятил свою первую книгу и которую величал Вечной Весной, Вечной Надеждой, Вечной Женой, Вечно Юной, Недостижимой, Непостижимой, Несравненной, Владычицей, Царевной, Хранительницей, Закатной Таинственной Девой.

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд,
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад...

В этом абсолютизированном, всеохватном чувстве открывался путь к высшему познанию. Блок мог бы повторить вслед за Уайльдом: «В любви больше мудрости, чем в философии». Поэт видел свой идеал в том, чтобы через любовь постичь бесконечное в конечном, духовное в житейском, вечное в преходящем.

Шесть лет—с 1898-го по 1904-й — изо дня в день только об этом он и пел, и посвятил этой теме шестьсот восемьдесят семь (!) стихотворений, которые вошли в его первый сборник. Этого не было ни в какой другой литературе. Такая «однострунность души», как образно заметил Корней Чуковский!

Но жизнь настойчиво стучалась в двери. Она не давала проходить серафимом мимо человеческой сутолоки, мирской суеты. Это случилось вдруг, в ноябре 1903 года, когда он написал стихотворение «Фабрика». Человеческих лиц он еще не увидел, лица были пока в тумане, но он увидел спины, отягощенные бременем:

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

Вторая книга стихов Блока — это нечто совершенно новое. Другая атмосфера, другой запах. С ним случилось чудо: он увидел людей. В жизни Блока это было событие огромное.

Вместо Прекрасной Дамы он изображает теперь полубожество, Незнакомку — звезду, которая упала на землю и, воплотившись в женщину, захотела не молить, но вина и объятий:

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами
кроликов
«In vine veritas!»[1] кричат...
И медленно пройдя
меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

Все дальше уходил «серафим» от своего зазвездного мира, и понемногу у него появилось такое чувство, которого никто не мог предвидеть: ненависть к этому зазвездному миру, какая-то злая жажда посмеяться над ним.

Не сказался ли в нем тот двойник, которого он давно ощутил в себе:

Но в туманный вечер —
нас двое,
И вдвоем
с Другим по ночам...

Этот двойник не оставлял его с тех пор никогда — насмешливый и ни во что не верящий циник, привязавшийся к боговидцу-романтику. Такой двойственности еще не было в русской поэзии, и нужно быть великим поэтом, чтобы выразить эту двойственность в лирике.

Итак, Прекрасная Дама ушла от него. А без нее пустота. Это время, с 1908 по 1921 г., было мрачной половиной его жизни. Словно его обманули, подсунув вместо возвышающего чувства унылую грязь. Этому способствовала и не ладившаяся семейная жизнь, начавшаяся когда-то так возвышенно-прекрасно. Они с женой все больше уходили друг от друга, и невозможно было этому что-то противопоставить.

Разве это мы звали
любовью!
Разве так суждено
меж людьми!

Так он отнимал у себя последнее: любовь. Но именно из этой утраты у него стал создаваться постепенно новый, еще более упоительный миф, в сущности та же Прекрасная Дама, — и все свои кощунства и отчания он воплотил в ее образе.

Еще в 1906 г., в пору «Балаганчика» и «Незнакомки», он смутно почувствовал, что есть такая святыня, которая тем и свята, что в ней нет никакого благолепия, никакого покоя, что вся она боль и тоска. Эта святыня — Россия. Широкая, многоцветная, полная жизни и движения картина родной земли, «в красе заплаканной и древней», излагается в его стихах. Блок создал свой самобытно-неповторимый ее образ — не матери, каким он был у поэтов прошлого, а красавицы подруги, возлюбленной, невесты, «светлой жены» — и здесь образ Прекрасной Незнакомки, словно бы преображенный, снова с ним.

И словно бы в его стихи ворвался ветер, отчаянный, дикий, могущий унести в неведомые дали. Блок всегда был поэтом ветра и любил его больше солнца, но теперь в этом буйном ветре воплотилась для него Россия.

«Степь, да ветер, да ветер...»
«Ты стоишь под метелицей
дикой,
Роковая, родная страна»...

Ветер вырвался на волю и со страниц созданной им в январе 1918 г. поэмы «Двенадцать»:

Черный вечер,
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем белом свете.

Это был тот яростный ветер, который все сметал со своего пути. Он безжалостно носит и швыряет по улицам Петрограда жалкие фигуркитени, принадлежащие прошлому. Тут и старушка, что «как курица, кое-как перемотнулась через сугроб», и буржуй, и резонерствующий писательвитяя, и «барыня в каракуле». Но ветер — это и неясная метельная мгла, за которой кощунство «двенадцати»: «Пальнем-ка пулей в святую Русь!», «Эх, эх, без креста!». И тут опять двойственность Блока, которая разве что сродни мудрости, в вечной сущности, пробивающейся несмотря ни на что сквозь «непослушные» слова.

Но эта мудрость его и убивала. Великая честность перед временем и перед самим собой заставляла видеть: пути назад не было, а путь вперед потерялся в тумане. Потому, наконец, стало постепенно угасать сердце.

Но мне правду сказали,
что будто моя
Лебединая песня пропета...

На весну 21-го пришелся его последний печальный триумф. В апреле Дом искусств устроил в Большом драматическом театре на Фонтанке вечер Александра Блока. Он вышел к публике угрюмый, исхудавший, бледный, весь в черном. Остановился, переждал овацию. Потом шагнул к рампе: «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...». «Еще!» — крикнули из зала. Блок слабо улыбнулся и с мрачной силой прочитал «Скифов». И, как всегда, последним было: «О всех, забывших радость свою... О том, что никто не придет назад...».

Расходились молча. Чувствовалась какая-то особая, тревожная значительность происшедшего. Кто-то сказал вполголоса: «Да это поминки какие-то...».

Живого Блока петроградцы больше уж не увидели. Седьмого августа, в воскресенье, в половине одиннадцатого утра остановилось время...

В его стихах жила печаль. Но не верьте поэтам, когда они говорят, что мир — в пустоте: мир не может быть пуст для поэта. Поэт всегда говорит миру: «да», даже когда говорит ему «нет». В глубине глубин его поэзия есть радость: о жизни, о мире, о любви. Ведь и сам Блок говорил:

Простим угрюмство —
разве это
Сокрытый двигатель его!
Он весь — дитя добра
и света,
Он весь — свободы
торжество!

ВСПОМНИМ-КА, как он назвал свою первую книгу стихов — «ANTE LUCEM» — «Перед Светом» или «Накануне Света». Это предощущение света всегда жило в нем, как «предчувствие тайное», как светлая мысль о другой, счастливой жизни. Он всегда старался передать его и другим, чтобы можно было черпать в нем силы для жизни:

...есть ответ
в моих стихах тревожных
Их тайный жар
тебе поможет жить.

С. МУХТАРОВА.

[1] «Истина в вине!» (лат.).

На снимках: Александр БЛОК. 1913 г.; «Двенадцать».